

Опубликовано:

Пахалюк К.А. Взаимоотношения с местным населением как фактор неудачи боевых действий в Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны. // Военно-исторический архив. 2011. № 8. С. 147–157.

К.А. Пахалюк

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ КАК ФАКТОР НЕУДАЧИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ в Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны

С началом Первой войны русское командование, согласно подписанным еще в 1912 г. русско-французским конвенциям, предполагало начать вторжение в Восточную Пруссию силами двух армий (в то время как большая часть войск выступала против Австро-Венгрии). 1-й армии генерала П.К. фон Ренненкампа следовало наступать из-за р. Неман, 2-й армии генерала А.В. Самсонова – из-за р. Нарев. Действуя в обход Мазурских озер с обеих сторон, они должны были взять противника в гигантские «клещи» (т.е. 8-ю армию генерала М. фон Притвица) и уничтожить. Ход операции достаточно хорошо изучен¹. Казалось бы, этим сражениям посвящено столько литературы, что не должно остаться никаких белых пятен, однако это не так. И здесь хотелось бы коснуться оккупационного режима и оценить фактор поведения местного населения на общий ход операций.

Когда 17 августа 1-я русская армия перешла восточную границу, большая часть жителей провинции бежала. По некоторым сведениям, число вынужденных беженцев составило где-то 350 000 человек². Массовое бегство происходило под влиянием немецкой пропаганды, которая представляла русских, особенно казаков, бесчеловечными средневековыми варварами («бродячие крысы», «степняки зловонные» - лишь типичные эпитеты), которые убивают детей и насилуют женщин. Эти потоки беженцев мешали передвижению войск (в т.ч. и во время выдвижения немецких корпусов против 2-й русской

¹ Материалы по сражениям в Восточной Пруссии, опубликованные на русском языке см.: *Пахалюк К.* Боевые действия в Восточной Пруссии в Первую мировую войну. Указатель литературы. 2-е изд. Калининград, 2008. - 383 с.

² Майор Диккерт, генерал Гроссман. Бои в Восточной Пруссии: Обширный документальный репортаж о военных событиях, происходивших в Восточной Пруссии. Калининград: Областной историко-художественный музей, 1999. С. 13.

армии), причем обеих сторон, что отразилось в мемуарах как русских офицеров, так и германских военачальников³.

Как известно, начало войны было встречено в русском обществе широким патриотическим подъемом. Высокий боевой дух в армии обеспечивался и тем, что боевые действия начались на территории противника (причем с более-менее удачных боев у Каушена (19 августа) и у Гумбиннена (20 августа)). А бегство мирных жителей свидетельствовало о деморализации врага, что еще больше укрепляло веру в скорую победу. Показательны строчки из мемуаров Н.В. Буторова, начальника одного из медицинских отрядов при 1-й армии: «С какой гордостью вступили мы в пределы Восточной Пруссии! С каким чувством собственного достоинства старались сидеть на лошадях, проходя по обгорелым улицам Эдткунена! Как радовались, глядя на поврежденные артиллерией дома и на местных жителей, поспешно снимавших шляпы!»⁴.

Однако поведение населения сказалось и на оперативном творчестве русских военачальников. В первые дни наступления в Восточной Пруссии русским солдатам не раз приходилось находить в домах, покинутых хозяевами, накрытые столы с почти еще теплой едой. Зачастую это интерпретировалось в качестве свидетельства о неожиданности русского наступления, высокой его скорости, а также поспешного бегства (хотя могло говорить и о том, что некоторые немцы вовсе не покидали свои хозяйства, а прятались в погребах, подвалах или даже лесах). Русских солдат, въезжающих в города, часто встречала мертвая тишина. Но ощущение, что город обезлюдел, было порою только внешним: жители просто боялись выйти на улицу и привлечь к себе внимание. Каким образом накрытые столы с горячей пищей оказали влияние на ход оперативной мысли, показывают мемуары генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего Ю.Н. Данилова: «Население оставляло свои насиженные места и... запрудило дороги вглубь страны. Получалось впечатление полной эвакуации немцами Восточной Пруссии.... Впечатление от победы генерала Ренненкампа и спешного отступления германцев было столь сильным, что одно время возникла даже мысль о переброске 1-й армии к Варшаве»⁵.

«Победы генерала Ренненкампа» – это успешные действия 1-й русской армии под Гумбинненом 20 августа, через три дня после начала наступления, когда было нанесено поражение немцам. Это привело к отступлению 8-й немецкой армии, командование которой временно поддавалось панике, а потому было заменено. Так на восточном фронте появился, пожалуй, самые эффективные немецкие генералы – П. фон Гинденбург, занявший пост

³ См.: *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в Великую и гражданскую войну. Таллин, 1936. С. 63; Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918. М.-Минск, 2005. С. 53.

⁴ *Буторов Н.* Прожитое, 1905-1920. М., 2009. С. 41.

⁵ *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне. Берлин, 1924. С. 144.

командующего армией, и Э. Людендорф, ставший начальником штаба. Они решили, используя развитую сеть железных дорог, оторваться от войск Ренненкампа и нанести сокрушающий удар по 2-й русской армии генерала А.В. Самсонова, которая в это время пересекла южную границу и двигалась на север, грозя зайти германцам в тыл.

В это время, находясь под влиянием побед под Гумбинненом и поведения мирного населения, русское командование решило, что немцы разбиты и отступают. Это стало роковым самообманом, но до последнего момента генералы так и не смогли выйти из плена неверных интерпретаций. Исходя из подобного понимания обстановки, главнокомандующий Северо-Западного фронта Я.Г. Жилинский ориентировал генерала А.В. Самсонова на более активные действия, дабы успеть отрезать отход за Вислу. Командующий 2-й армией был более осторожен и больше боялся за левый фланг; штаб фронта, наоборот, долгое время не видел там опасности. Это привело к излишним трениям между генералами, растяжению армии по фронту, а также изматыванию войск. В итоге, когда германцы атаковали и откинули 26-27 августа оба фланга 2-й армии, А.В. Самсонов принял ошибочное решение вести наступление центром, предполагая, что противник действует главным образом против его левого фланга. Это привело к тому, что центральные корпуса лишены день (28 августа) задержались на позициях и уже на следующий день были окружены. В результате 2-я армия потерпела сокрушительное поражение.

Столкнувшись с солдатами противника в реальности, мирные жители неожиданно понимали: перед ними абсолютно не дикари из средневековья. Постепенно сильный первоначальный страх отступал, но исчезнуть, конечно же, не мог. Многие немцы считали, что несмотря на выражаемое оккупантами добродушие, нужно все-таки постоянно держать себя в руках⁶. Некоторые даже активно сотрудничали с оккупантами. Коллаборационисты? Для нас – возможно и так, однако после изгнания русских многие главы местного самоуправления в городах в августе-сентябре 1914 г. ... стали почти героями за то, что делали все, чтобы сохранить жизнь мирному населению и спасти город от разрушения. В частности, назначенный русскими губернатор Инстербурга доктор М. Бирфройнд, чье имя впоследствии носила одна из улиц, получил от магистрата и городской администрации приветственный адрес⁷.

В то же время определенная часть населения, разогретая сообщениями (в массе сильно преувеличенными и ложными) о зверствах русских и патриотическими лозунгами, старалась воспользоваться любым случаем, чтобы навредить врагу. Это осложняло как

⁶ Торнер Г. Отелль переживает мировую войну. // Надровия. Черняховск, 2003. № 3. С. 33.

⁷ Кассина Т., Сечкин Д. Инстербург, август четырнадцатого. // Надровия. Черняховск, 2003. № 3. С. 18.

ведение боевых действий, так и работу штабов, вызывая нарушение связи, а также излишнюю нервозность, что не могло не сказываться на качестве принимаемых решений.

Так, многие нарочно указывали неправильные дороги неприятельским разъездам и посыльным. Во время отступления русских войск мирные граждане нередко оказывали содействие своей армии в изгнании оккупантов. К примеру, обыватели Алленштайна помогали громить русский 13-й корпус, с боем оставивший город⁸. Также и жители Тильзита открыли огонь по отступающему из города 270-му Гатчинскому полку⁹. В целом подобные действия местного населения, которое «безобидным» вовсе не назовешь, думаю, нужно рассматривать как проявление патриотизма.

Как в официальных документах, так и в воспоминаниях очевидцев отмечается, что некоторые «мирные» жители убивали одиночных солдат, стреляя им в спины. Это могли быть как одиночные патриотически-настроенные граждане, так и (что более вероятно) немецкие патрули и соединения ландштурма, которые, пользуясь пособничеством местного населения, нападали на русские войска, устраивали засады. Также, как писал командир 1-й кавалерийской дивизии генерал В.И. Гурко: «Вступив на германскую территорию, мы очень скоро обнаружили, что враг использует для сбора информации местных жителей, в первую очередь – мальчишек школьного возраста, которые во время движения наших частей появлялись на велосипедах у них перед фронтом и на флангах. Первое время мы не обращали на них внимания - до тех пор, пока обстоятельства совершенно ясно не показали нам, ради чего раскатывают вокруг нас эти велосипедисты. Тогда мы были вынуждены отдать приказ открывать по юным самокатчикам огонь (что давало немцев возможность заявлять, будто русские солдаты расстреливали детей – П.К.) ... Несколько раз мы ловили германских солдат, переодетых крестьянами или даже женщинами»¹⁰. Порою, жители поджигали стога сена и постройки по пути продвижения русских, чтобы дать сигнал своим войскам.

Все это еще больше осложняло наступление. В сделанном генералом Пантелеевым «Докладе правительственной комиссии, назначенной в 1914 г. для расследования условий и причин гибели 2-й армии ген. Самсонова в Восточной Пруссии осенью 1914 г.» среди причин поражения, кстати, и выделялось: «непринятие надлежащих мер к осмотру пройденного армией пространства, особенно лесов, городов и селений, к задержанию партизан противника и уничтожению средств сигнализации и сношения (телефонов), коими противник

⁸ См.: Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Прага, 1926. С. 269; Фукс В. Краткий очерк операции Наревской армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии в Августе 1914 г. // Военный сборник. Белград, 1923. В. 4. С. 137.

⁹ См. РГВИА Ф. 2106. Оп. 1. Д. 293. Л. 72.

¹⁰ Гурко В.И. Война и революция в России. М., 2007. С. 48.

пользовался в тылу наших войск»¹¹. С другой стороны, у А.В. Самсонова просто не хватило времени, чтобы полностью обезопасить тылы. Более внимательно к этому вопросу относился командующий 10-й армией генерал Ф.В. Сиверс. Так, 27 (14) ноября в одном из приказов он писал, что во время пребывания в Восточной Пруссии выявлялась враждебность немцев, а потому в каждом пункте необходимо осматривать дома и подвалы, а также брать заложников. Отмечалось, что и чины прусской лесной стражи являются агентами разведки и их надо брать как пленных¹².

Экспессы с местным населением озлобляли как нижних чинов, так и офицеров и приводили не только к ответным карательным операциям, но и к различным эксцессам с кровавой развязкой. В донесении в штаб фронта 25 (12) августа П.К. фон Ренненкамф отмечал, что «...поступают редкие донесения одиночных выстрелах из селений по войскам. Все селения, откуда стреляют, сжигаются, о чем население оповещено»¹³. Приказы об ответных карательных рейдах в общей массе нельзя назвать варварскими, однако полностью оправдывать их тоже не стоит. Подобным образом поступали все армии мира во все времена. Довольно сложно воевать, имея в тылах недоброжелательно настроенное население. Русские офицеры старались жестко (и не только по отношению к населению) поддерживать дисциплину на оккупируемых территориях, пытаясь не допускать насилия.... А велики глаза не только у страха, но и у сарафанного радио и немецкой пропаганды которые, многочисленные факты дисциплинарного взыскания могли в скором времени представить в качестве «азиатской дикости». Ведь даже на одни и те же события взгляд и отношение мирных граждан и русских солдат будет разным.

Также нельзя не отметить, что экономическое развитие Восточной Пруссии, что помогало решать проблемы с продовольствием, компенсируя сбои в работе тылов. В приказах как по 1-й, так и по 2-й армиям можно читать формулировки о том, что войскам приходится питаться «местными средствами», которые скудными явно не назовешь. Согласно воспоминаниям протопресвитера армии и флота Г. Шавельского, в меню нижних чинов часто (особенно в августе 1914 г.) входили утки, и куры, и баранина. Вряд ли интенданты могли обеспечить столь шикарное меню рядовому составу. Однажды один солдат добавил в борщ какао¹⁴. Описывая наступление 2-й армии в Восточную Пруссию, полковник В.Е. Желондковский отмечал, что касательно пограничной д. Каммерау, полностью покинутой жителями, ходили слухи «о необыкновенных раскормленных свиньях, о стадах гусей и рогатого скота... Он (заведующий хозяйством батареи - П.К.) попросил разрешения поехать

¹¹ Восточно-Прусская операция... С. 559-560.

¹² РГВИА. Ф. 5090. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

¹³ См.: Восточно-прусская операция... С. 219.

¹⁴ См.: *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. С. 143.

еще раз в деревню и забрать для батареи хотя бы одну свинью. Разрешение ему дано не было. Нужно было ждать, как будет вообще регулирован вопрос довольствия на неприятельской территории в случае если жители покинут ее и купить ничего нельзя будет. Конечно, гуси пострадали не мало – я видел, как кое-где пробирались конные с притороченными к седлам обезглавленными гусями¹⁵».

А на поиски еды в немецких селениях (в большинстве пустых) обычно не смотрели как на мародерство, тем более, как на равное, скажем, разграблению помещичьих усадеб. Реквизиции стали нормой. Даже в приказе от 26 (13) августа П.К. фон Ренненкамф указывал: «Возможно, что не успеют подвозить хлеба, но это не должно останавливать наступление нашей славной армии. Продовольствия находим много, мяса - сколько угодно, овощей и картофеля тоже, поэтому случайный недостаток хлеба не должен иметь значения. Войсковым интендантам, находя запасы муки и хлебопекарни, организовать хлебопечение на местах»¹⁶.

Причем этим обычно не ограничивались. В сентябре 1914 г. во время отступления 1-й армии служивший в штабе П.А. Аккерман свидетельствовал: «...левый фланг армии, наиболее пострадавший, тем не менее умудрился пригнать, отходя спешно, от десяти до пятнадцати тысяч голов скота. Я своими глазами видел стада и не малые (голов до шестисот) типичных, белых с черными пятнами, голландок из восточной пруссии»¹⁷. Однако в поисках продуктов русский солдат мог все перевернуть вверх дном, что является одним из объяснений, почему многие дома, особенно в сельской местности, пострадали. С другой стороны, отметим, что офицеры, вынужденные сами обеспечивать свои части пропитанием, обычно платили местным жителям за провиант. Восточной Пруссии был нанесен колоссальный экономический и материальный ущерб, с потерей 135 000 лошадей, 250 000 коров, 200 000 свиней и урожая 1914 г. появились катастрофические проблемы со снабжением¹⁸.

С другой стороны, нельзя не отметить и обратную сторону богатства провинции. Начав наступление в августе 1914 г., многие, особенно нижние чины, были поражены богатством и ухоженностью немецких земель (а продвижение вперед не могло не подымать боевого духа). Капитан А.А. Успенский, командир роты в 106-м Уфимском пехотном полку, спустя несколько десятилетий вспоминал: «Солдаты наши с изумлением смотрели на немецкие, уютные крестьянские усадьбы с черепичными крышами и красивые шоссе, везде обсаженные фруктовыми деревьями. Удивлялись, что висят фрукты, и никто их не трогает!»¹⁹.

¹⁵ Желондковский В.Е. Указ. соч. С. 271-272.

¹⁶ См.: Восточно-Прусская операция... С. 220.

¹⁷ Аккерман П. Месяц в штабе армии. // Голос минувшего. 1917. № 9-10. С. 347.

¹⁸ Kossert A. Ostpreußen: Geschichte und Mythos. Muenchen, 2005. S. 202-204.

¹⁹ Успенский А.А. Восточная Пруссия - Литва. 1914-1915 гг. Каунас, 1932. С. 25.

Ухоженность и порядок Восточной Пруссии отмечали и другие участники событий. Многие не понимали, зачем немцам нужно было начинать войну, если у них и так все есть. Это вызывало, особенно у простого солдата, чувство зависти, которое нередко трансформировалось в ненависть, а она в свою очередь выливалась в излишней жестокости и мародерстве. Так, классическим стал случай, когда солдат выдирал из рояля клавиши, мотивируя это тем, что рояль был немецким²⁰. Однако если в городах силами офицеров порядок навести удалось, то в сельской местности это было сделать труднее. Офицер К.С. Попов отмечал в мемуарах: «Я до сих пор не могу объяснить себе страсти солдат к разрушению, обуревавшей их при виде отражения своей собственной физиономии в зеркале»²¹.

А мародерство снижало воинскую дисциплину и пагубно влияло на поведение солдат, разлагая боевую мораль и дух. «В артиллерии... можно... видеть целую свинью на передке орудия, граммофоны... В обозах везли пружинные кровати... и даже нередко встречались пианино... Противно было смотреть на эту гадость, вносящую в войска деморализацию», – с горечью писал офицер К.С. Попов, участник осенних боев.²² Часто занимались мародерством не из-за желания награть, а просто ради разрушения. Как писал П.А. Аккерман: «Ныне сознание подсказывало солдату, что необходима борьба с материальным благосостоянием неприятеля»²³.

Можно проследить корреляцию между ростом мародерства и низким боевым духом. Если говорить в общем, то любая война попросту развращает. Мародерство и возможность безнаказанно нарушать законы (даже войны) развращает еще больше, делая нижних чинов менее дисциплинированными. Отступление и окопное же «сидение» сами по себе действуют угнетающе, поэтому не удивительно, что учащаются случаи нарушения дисциплины, в том числе можно отметить факты братаний.

К примеру, описывая отход 1-й армии из Восточной Пруссии в сентябре 1914 г., лейб-драгун А. Бендерский писал: «Разоренные части пехоты в беспорядке шли на восток, сжигая все, что попадалось на их пути»²⁴. Достаточно широкий размах мародерство и вандализм приобрели во время Второго наступления (октябрь-ноябрь 1914 г.), в период позиционной войны. Офицер А.А. Успенский писал о тех днях: «Какая подавленность духа от сознания, что ты обратился в крота!»²⁵.

²⁰ Литтауэр В. Русские гусары. М., 2006. С. 149.

²¹ Попов К.С. Воспоминания кавказского гренадера, 1914-1920. Белград, 1925. С. 40.

²² Попов К.С. Указ. соч. С. 40, 41.

²³ Аккерман П.А. В штабе дивизии. // Голос минувшего. 1917. № 11-12. С. 305.

²⁴ См.: Бендерский А. Мираж. // Ширвиндт: Лейб-Драгуны дома и на войне. В. 2 Париж, 1929. С. 49.

²⁵ Успенский А.А. На войне. Каунас, 1932. С. 113.

Хотя и стоит отметить, что офицеры старались следить за порядком и делали все, чтобы пресекать бесчинства. Чтобы не упрощать картину отметим: мародерство получило распространение в 1-й армии и во время августовского наступления. М. Лемке, позднее служивший в Ставке, на основе доступных документов писал о тех днях: «Ренненкампф вешал солдат, грозил, что и «впредь так будет поступлено с каждым, кто будет заниматься мародерством» (7 августа 1914 г.), расстреливал мародеров в присутствии всего гарнизона (10 августа 1914 г.), но так ничего добиться и не мог... Все эти меры скользили по верхам, а в глубине армии сидел вор и насильник».²⁶ Однако в ряде случаев по поводу тщетности усилий следует усомниться, согласно свидетельствам как русских, так и немцев, дисциплина царили в таких городах как Инстербург и Тильзит²⁷. Если в городах обычно удавалось наводить порядок, то в сельской местности это было сделать сложнее. И причем – далеко не всегда целесообразно. Иногда факты вандализма обуславливались необходимостью выживания войск.

К примеру, зимой солдаты постоянно проводили время на холоде, а потому они разбирали на топливо дома, постройки или использовали в этом качестве мебель, книги и т.п., одним словом, все что горит. Это, видимо, приняло настолько широкий масштаб, что командующий 10-й русской армией генерал Ф.В. Сиверс был вынужден приказать: «В занятом нами районе Восточной Пруссии брошенные местными жителями жилища и домашнюю утварь отнюдь не употреблять на отопление, а пользоваться для этого имеющимися запасами угля, дров, а также лесом; при чем для планомерного использования материалов отопления войсковые начальники должны распределять между подведомственными им частями районы на участки».²⁸ Последнее также объясняет и массовое выселение немецких жителей из прифронтовой полосы осенью-зимой 1915 г.

Так, в приказе по 10-й армии от 7 января 1915 года (25-го декабря 1914 г.) отмечалось, что «есть основания предполагать, что заразные болезни передаются к нам от немцев вследствие того, что наши войска надевают иногда их одежду и пользуются едой и питьем, находимыми у немецких раненых, пленных или убитых»²⁹. О размахе депортации в этот период говорит за себя следующий факт: министр внутренних дел Н.А. Маклаков 19 (6) января 1915 г. обратился к Н.Н. Янушкевичу, начальнику штаба Верховного главнокомандующего, с просьбой «прекратить массовую высылку жителей Восточной

²⁶ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1914-1915 гг. Минск, 2003. С. 355.

²⁷ См.: Торнер Г. Отель переживает мировую войну: Воспоминания Германна Торнера, владельца отеля «Дессауэр Хоф». // Надровия. 2003. № 3. С. 18-39. Романова М.П. Воспоминания великой княжны. Страницы жизни кузины Николая II. 1890-1918. М., 2007. С. 174-186; Харен О. Русские в Инстербурге. // Надровия. 2003. № 3. С. 8-13; Аккерман П.А. Месяц в штабе армии. // Голос минувшего. 1917. № 9-10. С. 316-349.

²⁸ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 112.

²⁹ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 113.

Пруссии»³⁰. Ведь цифра интернируемых в Сибирь и Поволжье измерялась тысячами, а содержались они практически наравне с военнопленными, в тех же ужасных условиях.

Таким образом, можно заключить, что при оценке боевых действий в Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны ни в коем случае нельзя выпускать из виду фактор местного населения и характер оккупационного режима, который прямым или косвенным образом воздействовал на исход сражений. Так, неверная оценка поведения населения оказала влияние на принятие оперативных решений, а поведение патриотически настроенных граждан осложнило боевую работу (особенно в отношении организации связи, с которой и так были проблемы), вызывая излишнюю нервозность среди офицеров и отвлекая их от более важных проблем.

Об авторе:

Константин Александрович Пахалюк – ведущий специалист научного сектора Российского военно-исторического общества.

³⁰ *Нелипович С.* Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника. // Военно-исторический журнал. 2002. № 2. С. 63.